

17 марта великому танцовщику исполнилось бы 60 лет

Виолетта Майнице

ПЯТЬ ЛЕТ прошло с тех пор, как умер Рудольф Нуреев, еще при жизни ставший легендой балетного искусства XX века. Он умер в 54 года в Париже от СПИДа, полный витальных сил, неукротимой внутренней энергии. Боролся до конца, продолжая по инерции жить непомерно интенсивной жизнью.

За тридцатилетнюю карьеру Нуреев подготовил свыше 100 партий. Работал с 40 труппами мира. Три десятилетия давал от 200 до 250 представлений в год. Сам переставил почти все балеты классического наследия («Лебединое озеро», «Спящую красавицу», «Щелкунчика», «Раймонду»), сочинял новые («Золушка», «Буря» и т.д.). Снимался в кино (фильмы «Валентино» Кена Рассела, «Я — танцовщик»). Создавал фильмы-балеты. Дирижировал оркестром. Руководил такими коллективами, как балет парижской Оперы.

Начав жизнь на Западе с 36 франками в кармане, он оказался удачливым бизнесменом, основателем хорошо отлаженной «балетной индустрии», составил многомиллионное состояние. Коллекционировал произведения искусства, старинную мебель, редкие ткани и ковры — его роскошная парижская квартира на набережной Вольтера напоминала пещеру Али-Бабы, где скоплены несметные богатства. Владел апартаментами в Лондоне, Нью-Йорке, ранчо в Пенсильвании, даже островом Галли в Средиземном море.

Этот «бог танца» был и одной из самых скандальных фигур великосветской хроники. Одиозно свободно чувствовал себя в респектабельных гостиницах сильных мира сего и в заведениях с сомнительной репутацией. Его экстравагантные костюмы от лучших кутюрье мира, его почти «далианские» выходки эпатировали общество. Но ему прощали все, словно он стоял выше общепринятой морали и законов поведения.

На Западе его знали домохозяйки и интеллигенция, политики и артистическая богема. И каждый считал долгом хотя бы раз увидеть Нуреева на сцене. Его всюду сопровождали не только светские дамы, покорно переносившие его невыносимый характер, резкие перепады настроения, но и толпы обожателей. Огромная очередь выстроилась перед зданием, где с аукциона, проводимого знаменитой фирмой «Кристи», после смерти продавались нуреевские вещи. За пару изно-

Спустя 30 лет. Встреча в Ленинграде с первой партнершей по Кировскому театру Натальей Дудинской. 15 ноября 1989 г. Фото ИТАР-ТАСС

шенных балетных тапочек заболевшие «рудоманней» поклонники платили до 200 долларов...

«Хочу, чтобы мои танцы так же завораживали зрителей, как полотна великих мастеров. Меня можно любить или ненавидеть. Но я не переношу безразличия», — утверждал сам Нуреев. Равнодушных действительно не было и нет до сих пор. Его обожали и проклинали, возводили на небеса и низвергали оттуда на грешную землю. Личности нуреевского типа легко обрастают легендами — они слишком на виду. Появлялись и до сих пор появляются книги, в которых он обвиняется во всех смертных грехах.

Для далеких от балета интеллектуалов он был «таким же символом, как Солженицын». Его считали борцом за свободу с тех пор, он в возрасте двадцати трех лет 16 июня 1961 г. после зарубежных гастролей балета Кировского театра в парижском аэропорту Бурже сделал самый знаменитый прыжок в своей жизни. Перемахнув через заградительный барьер, по совету французских друзей Клары Сен и Пьера Лакотта бросился к одетому в гражданское платье полицейскому, и сказал:

«Хочу быть свободным!» Впоследствии всю жизнь над Нуреевым висел приговор за измену Родине, предполагающий его заключение в тюрьму сроком на семь лет.

Подобно другим, рожденным в год Тигра, он был борцом, противоречивым и непредсказуемым. Эгоцентричным, жадным, талантливым. Словом, «ужасным Нуреевым». Гражданином мира и вечным кочевником, подобно своим предкам — татарам...

Рудольф Нуреев даже родился в дороге — вблизи озера Байкал 17 марта 1938 г. В поездке, «от дикой тряски», как любил шутить он сам. Семья ехала на Дальний Восток, где его отец был политруком в армии. В трехмесячном возрасте Рудольфа привезли в Москву. А в начале войны, когда отца отправили на фронт, мать с тремя дочерьми и маленьким сыном перебралась в Уфу. Они жили впроголодь, в дикой бедности.

Рудольф рос одиноким, замкнутым ребенком — без друзей, без игрушек. Как-то его мать добыла билет на балет «Журавлиная песня» в уфимском театре. Встреча с миром балета оказалась роковой для мальчика. Рудик тут же решил посвятить себя танцу. Уже тог-

да он пророчески сказал сестре: «Вот увидишь, однажды я стану самым знаменитым танцовщиком в мире!» Его первым педагогом в танцевальном кружке оказалась бывшая танцовщица дягилевской антрепризы Удальцова. Посмотрев на «дикие пляски» своего питомца, она объявила: «Поезжай в Ленинград — у тебя есть все данные для классического балета». Но поездка не состоялась: не было денег. К тому же категорически возражал отец, мечтавший выучить единственного сына на инженера и впадавший в ярость от одной мысли, что он думает о такой «женской профессии».

Рудик продолжал занятия в Уфе. Неплохо освоил «азы» классической азбуки. Начал подрабатывать в кордебалете уфимского театра. Почти экспромтом он станцевал соло в той же «Журавлиной песне» во время декады башкирской культуры в Москве. Москвичи заметили юношу, даже предложили зачислить его в московскую балетную школу. Но Нуреев, поднакопив денег на дорогу, отправился в Ленинград. Ему было тогда уже 17 лет. В этом возрасте обычно заканчивают училище, а он приехал поступать! После приемного экзамена, который состоялся 24 августа 1956 г., знаменитая преподавательница В. Костровицкая сказала: «Юноша, вас ждет или блестящая карьера классического танцовщика, или же полный провал. Скорее всего, именно второе».

Но она не подолжала о железной воле, присущей этому балетному «новобранцу». «Если захочешь, значит, сможешь!» — девиз Рудольфа Нуреева. Как показал дальнейшая жизнь, его можно было обучить и окультурить, но обуздать — никогда! Скандал следовал за скандалом. После того как Рудольф без разрешения пошел на вечерний спектакль в Кировском театре, его лишили постели, сняли с питания в столовой. Он провел ночь на подоконнике в нише, но не сдался. Строптивого юношу передали другому педагогу — Александру Пушкину. Вскоре он стал вторым отцом Рудольфа, помогал ему в быту и в освоении профессии. За три года прошел с Нуреевым не только весь курс обучения, но и подготовил ряд балетных партий.

В одной из первых рецензий с красноречивым названием «Солнце в крови» отмечались «высокие и легкие прыжки, вихревые вращения, подлинный темперамент, редкая гибкость и пластичность» одаренного молодого танцовщика. Вскоре в паре с Аллой Сизовой

(Окончание на стр. 13)

(Окончание. Начало на стр. 9)

он стал лауреатом международных фестивалей молодежи. Был партнером известных балерин ГАТОБ имени Кирова — Наталии Дулинской, Аллы Шелест, Нинелы Кургапкиной, Ольги Моисеевой, Ирины Колпаковой. Несмотря на юный возраст, выступал с ними на равных, как впоследствии с любой из звезд мирового балета!

За три года работы на ленинградской сцене (1958–1961) Нуреев освоил почти весь классический репертуар, по праву занял ведущее положение в театре. В 1961 г., когда труппа собиралась на гастроли во Францию и Англию, Нуреева решили не брать. Только в последний момент его включили в список выезжающих. Во время этой поездки на его долю выпал головокружительный, ошеломляющий успех в Париже. Старые балетоманы, видевшие самого Нижинского, называли Нуреева «божественным»...

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Еще в Советском Союзе Нуреев с трудом подчинялся правилам «советского общежития». Он был чрезмерно эгоцентричным, ощущал свою исключительность, требовал особого к себе отношения. Теперь же он наслаждался триумфом. Бродил по Парижу, заволакивал запрещенные знакомства, став «злостным нарушителем режима пребывания советских граждан за границей». При переезде труппы в Лондон руководители поездки решили отправить Нуреева на родину. Нуреев ответил побегом, став первым невозвращенцем — как впоследствии Наталия Макарова, Михаил Барышников, Александр Годунов...

Оказавшись за границей, Рудольф Нуреев всего достиг сам. С упорством маньяка он изнурял себя работой. И друзья, и недруги отмечают его невероятную трудоспособность. Только железное здоровье позволяло ему десятилетиями вести самый безумный образ жизни — веселиться до утра, а в девять часов быть у балетного станка. Не жалея себя, он был беспощаден и к другим.

Побег Нуреева вызвал международный скандал. Боясь дипломатических осложнений, перед ним захлопнула двери парижская Опера. Один из руководителей ленинградского балета даже написал, что ленинградцы прекрасно обойдутся без Нуреева. Но «что теперь будет делать бедный Рудольф?» Жизнь показала, как плохо он знал бывшего

РУДОЛЬФ НУРЕЕВ — ГРАЖДАНИН МИРА

Независимая газ. — 1998 — 13 марта. — с. 9, 13

подчиненного! Уже 23 июня 1961 г. «Бедный Рудольф» в паре с американкой Розеллой Хайтауэр дебютировал в Париже в «Спящей красавице» с труппой маркиза де Куэваса, а затем отправился с ними в европейское турне... Перестав быть принцем советского балета, он воцарился на балетном Олимпе.

НА БАЛЕТНОМ ОЛИМПЕ

Нуреев всегда был и оставался одинокой суперзвездой. Ни с одной из трупп он не заключал долгосрочные контракты. Став «одним из лучших бизнесменов в области балета», он на редкость удачно прокладывал свои гастрольные маршруты. К тому же на Западе он напел новых друзей, сыгравших важную роль в его жизни. «Я любил лишь троих: Эрика Бруна, Марго Фонтейн, Фредерика Аштона», — признавался сам Нуреев. С изысканнейшим премьером датского балета Эриком Бруном Рудольф познакомился в Копенгагене, когда занимался у знаменитого педагога Веры Волковой. Брун стал его идолом, учителем, возлюбленным. Недолго длился их бурный роман. Намного устойчивее оказались профессиональные взаимоотношения. Брун подготовил Нуреева к первому лондонскому дебюту. Обучал датской технике классического танца. Именно Нуреев стал одним из лучших исполнителей репертуара датского классика хореографии Августа Бурновиля, в частности партии Джеймса в его «Сильфиде». Именно в «Сильфиде» он попросился в нашумевшем зрители, когда в 1989 г. приехал в Ленинград на гастроли и очень больным...

Выступление Фонтейн и Нуреева в Ковент-Гарден положило начало одному из самых волшебных дуэтов в истории балета. Нежные воспоминания, о которых до конца жизни сохранили оба партнера. Только танцуя в паре с Марго, Рудольф был очаровательным, внимательным, бесконечно нежным... С их дуэта началась новая эра не только в английском, но и в западном балете. Благодаря Нурееву премьер из галантного кавалера превратился в равноправного партнера балерины. «Его ослепительная виртуозность, неотразимая чувственность, всегда

подчиненная строгому контролю разума, контрастировали с утонченной, возвышенной и рафинированной техникой Фонтейн. Их самым любимым балетом был «Маргарита и Арман» Аштона — небольшое произведение, специально сочиненное для них в 1963 году». Впоследствии для Нуреева ставили лучшие хореографы, среди которых он особо выделял Пола Тейлора. Но аштоновская «Маргарита и Арман» на музыку Ф. Листа навсегда сохранила для него особое очарование. В преддверии вечности Нуреев признался: «Я должен был жениться на Марго Фонтейн, а поступил опрометчиво, как герой этого балета»...

Стремительно росла мировая слава Нуреева. Публику привлекали не только его искусство, но и пренебрежительное отношение к «викторианской морали и условностям». Самоутверждаясь любым способом, он пытался изжить многочисленные комплексы. Постепенно выработал свой имидж, который нещадно эксплуатировал вне сцены, преднамеренно усиливая элементы клоунады. «У Богарта была фетровая шляпа. У Шеваляе — соломенная. Нуреев всегда репетировал только в надвинутой на глаза шерстяной шапочке, напоминающей нечто среднее между головным убором лыжника и шутовским колпаком. Под щелчками фотоаппаратов он сохранял безразличие сидящего в клетке тигра. Зеленоватые-серые глаза, раздутые ноздри, выступающие азиатские скулы... Особая примета — небольшой шрам на верхней губе — след от укуса собаки в детстве. Интеллигентный взгляд, не сходящая с уст ироническая улыбка оживляют это полное дикой страсти лицо. Дерзкий шарм излучает вся его личность...»

Балетмейстерская деятельность Нуреева началась рано. В 1961 г. он возобновил «Тени» из «Баядерки» Минкуса для Английского Королевского балета. Затем он переделал другие балеты классического наследия, увеличивая в них порой до неразумных размеров ведущие мужские партии, напичкав их излюбленными, чисто нуреевскими движениями. Малоудачными и чрезмерно консервативными, по общему мнению, были его

оригинальные постановки. Западные критики отмечали, что «Рудольф Нуреев (...) любит большие помпезные повествовательные спектакли. У него очевидный советский вкус. Он все усложняет. И под его «ударами техникой» разлетается весь «драматургический контекст... Как мог Нуреев, свыше тридцати лет проживший на Западе и видевший все лучшие постановки предшественников и современников, предложить подобную концепцию спектакля? Возникает впечатление, что смотришь постановку 1930 годов».

Шли годы. «Несмотря на ослабленную мускулатуру, Нуреев по-прежнему продолжает танцевать, хотя уже не столь блистательно, как 20 лет назад», — писали о нем в 1981 г. Почти маниакальная жажда танца и привычка к неизменному успеху подталкивали его на техническое трюкачество в

Рудольф Нуреев в роли Фродоса.

ущерб артистизму. Лишь самые близкие друзья, такие как Марго Фонтейн, за бравадой и эксцентричностью разглядели трагическое одиночество суперзвезды, которого так страшилась быстротечная жизнь. «Он часто уходил куда-то в ночь, и его одинокая фигура постепенно растворялась в темноте. Было что-то трагическое в этом уходе с вечеринки, на которой царили смех и веселье. Такое часто бывает с людьми театра — одиночеством они платят за славу».

Но жизнь продолжалась. Настал 1983 год. Нуреев снова в Париже. На этот раз ему предложили возглавить балет парижской Оперы. Шесть лет он пробыл на этом посту, диктаторской рукой управляя парижским балетом. Он попытался сломать привычную иерархию, навести и здесь свои порядки...

НАВСЕГДА В ПАРИЖЕ

Внешне все казалось таким благополучным. За годы работы в Опере он поставил 11 балетов, танцевал с опытными «звездами», выдвинул ряд молодых. Личные качества Нуреева сказались на стиле его руководства — он сыграл решающую роль в судьбе многих начинающих артистов. Нынешняя звезда парижской Оперы Манюэль Легри в интервью отмечал, что «Рудольф обожал классических танцовщиков... Огромное влияние оказало одно его присутствие в театре. Он научил нас особым образом преподносить технику, привил вкус к сумасшедшим идеям. Его подход был предельно простым — «не размышляй, я предлагаю — ты танцуй». В психологическом плане Нуреев трудно переносим, поскольку с ним, как и с Роббином, есть только один способ поведения — безоговорочно принимать то, что он тебе навязывает... Он поощрял жесточайшую конкуренцию между нами». Не все покорялись нуреевской диктатуре — некоторые покинули театр.

В 1989 г. новый президент Оперы после двух трехлетних сроков, проведенных Нуреевым на посту художественного руководителя, не возобновил его контракт, сохранив за ним право на одну постановку в сезон. В силу ряда причин (то не было средств у дирекции, то не мог приехать сам Рудольф) только в 1992 г. Нуреев приступил к постановке балета «Баядерка», которая целиком никогда не шла в Париже. Начатую работу помогли завершить Нинель Кургапкина и Патрис Бар. Именно после премьеры «Баядерки» Нуреев последний раз вышел на сцену.

Он умер в православный сочельник 6 января 1993 г. Говорят, умершим в этот день прощаются все грехи. Согласно его воле он похоронен на православном кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. Сделанный в технике мозаики восточный ковер покрывает памятник на могиле. А на плите скромная надпись гласит: «Рудольф Нуреев. 1938–1993».

Больше всего Нуреев любил балет, секс, деньги. Балет на определенном этапе пришлось покинуть. Секс привел к болезни и смерти. Многомиллионное состояние до сих пор делят между собой родственники и фонды...

